

Натиг РАСУЛЗАДЕ

Народный писатель

Цыганка нагадала, что если удастся ему дожить до двадцати двух лет, то будет жить дальше.

Столь неконкретное предсказание хваленной гадалки никак не могло удовлетворить мать мальчика.

- То есть - как дальше, как то есть - если удастся? - нетерпеливо стала спрашивать она, пытаясь вытянуть из гадалки как можно больше за установленный тариф. - Он что, может не дожить до двадцати двух? Почему именно двадцать два? А если доживет, то дальше как? Переменится он или таким же останется?

Мальчику было четырнадцать, единственный сын, но уже в этом возрасте он вполне подходил под юридическое определение - криминальный элемент; родители по горло были сыты его недетскими проказами, отец трижды вытаскивал его из отделения милиции, где ему могли прийти серьезную статью за вооруженное нападение вместе с другими подростками, хулиганами и бездельниками. Был мальчик членом уличной бандитской шайки, курил и баловался наркотиками, как и все его товарищи, подворовывал вместе с приятелями; часто дрались с другими уличными шайками, пуская в ход ножи и кастеты, отвоёвывали пространства в этом беспокойном пригородном районе, где селились преимущественно беженцы, из своих родных домов захваченными из соседней страны изгнанные, и рабочий люд, пролетарии. Главарию шайки было шестнадцать лет, и он уже успел отсидеть срок в колонии для малолетних преступников и среди своих одиннадцати членов шайки был, как говорится, в авторитете, держал их в узде и его слушались как старшего и более опытного товарища. Вот в такой шайке пребывал и наш паренек на горе своим родителям, матери, выплакавшей все слезы, но сам он был горд и весел, как человек, уж нашедший свое место в жизни.

И вот сдобные соседки надумили мать мальчика отвести парнишку к известной в их районе гадалке, считалось, что она удачно предсказывала будущее, из десяти раз восемь попадала в цель; многие из этих советовавших женщины испытали результаты гадания на себе или своих близких и оставались довольны. Цыганка была не совсем цыганкой, просто за ней закрепилось это имя - Цыганка, она не возражала, считая, что это прозвище еще сильнее будет способствовать привле-

чению клиентуры, на доходы от которой она и жила, и неплохо жила, преуспевала, не забывая угождать и правоохранительным органам, ища порой (когда не в ее пользу складывались обстоятельства) у них защиты и упования. Она была наполовину цыганкой, по матери - азербайджанка, а отец ее происходил из венгерских цыган.

Мальчик, как ни странно не стал возражать, когда мать, уже втайне приготовившаяся к бурным спорам и по этому поводу не сомкнувшая глаз до самого утра, стала его уговаривать пойти с ней к ее хорошей знакомой и поговорить о дальнейшей его, мальчика судьбе. Мальчику самому вдруг сделалось интересно, и он послушно - что с ним случилось крайне редко - поехал с матерью к "тетеньке гадалке".

Но когда мать услышала от предсказательницы насчет двадцати двух лет, которых им с отцом оставалось ждать, терпеть и мучиться еще целых восемь лет, такое предсказание никак не могло ее удовлетворить, и она пожалела об уплаченных вперед немалых деньгах.

- Еще восемь лет?! Целых восемь лет?! - вскричала она. - Но как эти восемь лет будут? Когда кончатся наши мучения?!

Мальчик, развалившись в роскошном кресле хозяйки, ухмылялся, не вступая в разговор, вел себя как посторонний, но чувствовал себя вполне как дома, и глаза его зорко шмыгали по комнате Цыганки, обставленной с кричащей роскошью.

Цыганка не отвечала, поглядывая на мальчика и что-то с таинственным видом шепча про себя.

- И почему именно до двадцати двух лет? - бесцеремонно вторглась мать в ее показное, как она решила про себя, шептание, ни на минуту не забывая о потраченных зря деньгах.

Цыганка, прервав свой шепот, стала объяснять свою сложную систему цифр, в которой мать ничего не поняла, и в результате объявила:

- Вам с мужем надо будет тысячу семсот двадцать два раза прочитать вслух эти цифры, - и протянула матери бумажку, где в столбик были записаны одиннадцать цифр.

Мать мальчика, взяв его за руку, как бы напоминая и себе и ему, что он все-таки ребенок, несовершеннолетний, подняла с кресла и, тяжело вздыхая, отправилась с сыном домой.

ЗАГАДОЧНАЯ

В ту же ночь, поближе к рассвету, когда нормальные люди особенно крепко спят, дом пятидесятилетней одинокой вдовы Цыганки был ограблен шайкой мальчишек, самый юркий и худой из которых пролез в форточку и открыл дверь квартиры товарищам, а сама она с кляпом во рту торпливо и неумело изнасилована главарем этой шайки. Ограбление вдову очень огорчило, но давно позабытое и приятное ощущение от изнасилования еще долго жило в ее памяти, точнее - в памяти ее роскошного, пышного, ухоженного тела, так что, обращаясь в милицию она по здравом размышлении не стала, тем более что, унесли мальчишки только то, что было на виду, основной капитал хозяйка держала не дома, закрома были далеко-о-о-о...

Мальчик, нанесший визит Цыганке со своей матерью, в ограблении не участвовал, отсоветовал более опытный

сообщил ему о тех опасных художествах, что вытворяет их сын, о его друзьях-хулиганах, о том, что он фактически бросил школу, что недавно пришел домой явно обкуренный, беспричинно хохоча, и как она, интуитивно ища, обнаружила в кармане его брюк большой нож-финку и несколько крупных купюр, отец решил поговорить с сыном, хотя заранее знал, что толку от такого разговора при его косноязычии и неумении убеждать будет мало. Тем не менее следовало исполнить свой отцовский долг, и он начал разговор с сыном издали: вспомнил свое детство, когда тоже чуть не связался с беспризорными мальчишками, но вовремя, набравшись ума, отошел от них, занялся делом, получил специальность, изучил свое ремесло, а многие из тех мальчишек, с кем он чуть не повелся, теперь, будучи его сверстниками, из тюрем не вылезают. Узун слушал невнимательно, делал вид, что соглашается с отцом, от разговоров которого его клонило в сон, и все ждал, когда же папаша оставит его в покое. Первая беседа окончилась провалом, отец мальчика потерпел фиаско, даже не зная такого слова, и лишний раз убедился, что с его стороны состоялось элементарное сотрясение воздуха.

Через некоторое время, когда за Узуну явился участковый, предъявив ему обвинение в участии в массовой драке с поножовщиной, и увел мальчика к себе в участок, чтобы там с ним от души разобраться, мать Насиба, охваченная ужасом, позвонила отцу и сообщила о случившемся, тот приехал прямо к участковому уполномоченному и после короткого разговора, опять же как всегда неубедительного, потому как убеждать было не в чем, факт, как говорится, был налицо, но денежки из кармана отца, которые он зарабатывал для своей семьи нелегким трудом, денежки, перекочевавшие в карман участкового, моментально убедили того, что в данном инциденте Насиб не участвовал, и мальчик был отпущен, на всякий случай сопровождаемый последним бесполезным предупреждением, в очередной раз успешно пропущенным мальчиком мимо ушей.

- Он какой-то бесчувственный, - жаловалась Кенуль, мать Насиба мужу. - Взгляд странный, как у глухонемого, спаси Аллах! Как со стенкой разговариваешь...

Она подолгу пристально следила за сыном, за его жестами, поступками, чем доводила его до бешенства, тогда он хлопал дверью и отлучался надолго, до поздней ночи, неизвестно где шатаясь.

- Что-то с ним произошло, - продолжала она изливаться свое горе мужу, - никакого чувства, никакой любви, он какой-то... - она запнулась, ища подходящее слово, - какой-то деревянный...

Через два дня, когда Узун Насиб был задержан тем же участковым уполномоченным с наркотиком в кармане и отцу мальчика опять пришлось отпра-

и здравомыслящий вожак стаи, но долю свою от добычи получил.

Звали мальчика Насиб, а кличка его в банде была Узун, что означало - долгожизнь, потому как для своих четырнадцати лет он был не по возрасту высоким, высоким и худым как жердь. Узун Насиб, так его называли приятели, а чаще - просто Узун.

За удачную наводку на квартиру вдовы Узун получил свою долю в виде аляповатой вазы, покрытой позолотой - верх безвкусицы, но которую очень удачно можно было сбить знакомому барыге, падкому на все блестящее, как ворона, что и было сделано Узуну с большим успехом.

Нельзя было сказать, что отец мальчика был равнодушен к той беспокойной и рискованной жизни, что вел его единственный сын. Отец Узун был человек суровый, всю жизнь работавший с железом и железом пропахший - он был жестянщиком в авторемонтной мастерской, немногословный, суровый мужчина сорока лет, привыкший, рано оставшись сиротой, чуть ли не с детских лет добывать себе хлеб своими руками. И когда впервые год назад жена

СМЕРТЬ ПИСАТЕЛЯ МИРИЕВА

шиваться с работы и мчаться выручать сына, он, вернув мальчика и как обычно задобрив представителя закона, привел Насиба домой, не сказав ни слова, но весь кипит от злости, отослав жену к теще, дождался, когда она, причитая и плача, покинет квартиру, запер дверь, привязал сына к спинке старой железной кровати и хорошенько отхлестал его ремнем, вкладывая в каждый удар свою бешеную досаду за то, что бог не награди его умением убедительно говорить, как например его непосредственное начальство в мастерской, которое своим острым язычком могло уболтать кого угодно и правого сделать виноватым, что не раз с ним бессловесным на работе и случалось.

Узун Насиб оказался парнем стойким и даже не пикнул при экзекуции, но в то же время притворился, что старшее поколение его убедило, и отправился спать на животе, поскольку на спине он временно лежать не мог по известной причине.

На следующее утро Узун, проходя мимо отца к умывальнику, тихо, но чтобы родителю было слышно, небрежно бросил:

- Еще раз поднимешь на меня руку - подожду дом.

Отец, завтракавший за столом перед работой, сначала даже не понял, что слова сына относятся к нему, так спокойно они были произнесены стороной, пострадавшей от порки накануне, но когда смысл слов дошел до его заторможенных мозгов, когда он, наконец, понял, ему захотелось забрать мальчика, взяв его за горло и держать так, пока тот не перестанет дышать. Он еле сдержался, чтобы поступить именно так, но в то же время, хоть сознание его и было затуманено нахлынувшей яростью, он понял, что убедительно следует говорить вот так, как сейчас говорил его сын - коротко, действительно. И где он этому научился?..

Отца звали Вахид. Он понял, что если он не предпримет решительных мер, то сын просто перестанет с ним считаться, и в дальнейшем столкнуться с ним будет невозможно. Вечером он советовался с женой, и к утру их совместное решение было принято. Вахид разбудил сына, подождал, пока тот оденется, и вышел с ним из дома, не сказав ничего. Они отправились на вокзал, сели на пригородную электричку и вышли на платформу в селении в часе езды от города. В этом селе имелся интернат для сирот и таких отщепенцев, как его сын.

- Подожди здесь, - сказал Вахид в коридоре, не глядя в лицо сыну, и вошел в кабинет директора. Минут через двадцать он вышел в сопровождении очень довольного директора дома и сказал Насибу:

- Ты останешься здесь. Не вздумай возвращаться домой. Мы с твоей матерью решили, что нам не нужен такой сын.

Но через две недели он получил письмо от директора интерната, в кото-

ром родителей Насиба ставили в известность, что сын его, взломав сейф и похитив деньги и свои документы, ранив сторожа на территории интерната, бежал в неизвестном направлении, о чем со стороны руководства дома было сообщено в милицию и мальчик объявлен в розыск.

- Знаю, тебе это тяжело слышать, - сказал Вахид жене. - Но я долго думал, как поступить. Другого пути нет. Если зайвешься домой, надо сдать его милиции. Пусть сажают.

- Боже мой! - плача проговорила Кенуль, мать Насиба. - Надо было его на работу устроить, а не в интернат... Неправильно мы поступили... Начал бы зарабатывать, может, понравилось бы... В школу он все равно не ходил.

- Я его устрою на работу, а он со своими подонками украдет там все, что плохо лежит, опозорит меня... - сказал Вахид. - Нет, пусть убирается ко всем чертям! И ты не плачь, было бы по кому...

- Как мне не плакать? Родное дите... Однажды... - начала она рассказывать, всхлипывая, то, что уже не раз Вахид слышал, но он и виду не показав, внимательно слушал, понимая, что ей надо выговориться, а с кем она может еще так откровенно говорить? Только с ним... - Четыре годика ему было. Я купила красивую книжку с картинками, а времени почитать ему как всегда не было работа, домашние дела, готовка, стирка, то да се, и вот вижу: сидит он за столом с книжкой, перелистывает, смотрит картинки и горько плачет. Я опешила, что, говорю, плачешь, Насибушка, смотри какая красивая книжка, а он мне, читать не умею, говорит, и заливается, плачет, так ему хотелось узнать, что в той книжке с красивыми картинками написано...

Вахид хоть и не показывал виду, но переживал за непутевого своего сына не меньше жены, и переживания и нервные срывы, что он постоянно подавлял в себе, не замедлили дать о себе знать: стало прихватывать сердце у него, никогда не болевшего ничем, кроме простуды.

В шайке были двое беспризорных подростков, без крыши над головой, ночевавших где придется, и Насиб присоединился к ним. Жизнь блатного беспредельщика так захватила его и так понравилась, что он не ощутил никакого горя, даже несколько не опечалился, когда отец объявил ему, чтобы он убирался на все четыре стороны, наоборот - он обрадовался раскрывающей свои объятия перед ним - как ему казалось - полной свободе и самостоятельности. Теперь по ночам он с двумя своими товарищами ночевали по кошаркам, ютились по знакомым малинам вместе с взрослыми ворами и наркоманами, играли с ними в карты, в домино, выпивали, курили, и Насиб очень скоро втянулся в такую жизнь, будто именно для такой жизни и был рожден. Он редко вспоминал мать, отца еще реже и

вообще обходился без них, не пугался в них, в их родительской заботе, мало того - по-настоящему почувствовал именно теперь, когда его выптали из дома, вкус свободы, потому что домой все-таки нужно было возвращаться и это порой угнетало его, связывало ему руки. Теперь лишенный родительской опеки, вернее - сам себя лишивший родительской опеки, он стал более суровым, готовым в любую минуту дать отпор каждому, кто захочет посягнуть на его желание делать все, что захочется, все, что взбредет ему в голову. Он сблизился с вожакем шайки, у которого тоже не было крыши над головой, крутым сиротой, и теперь они вдвоем решали, куда повести своих ребят завтра, где можно пожить без риска попасть в лапы правоохранительных органов, или с кем надо выяснить отношения, показать, кто здесь самый главный, самый крутой. Главарь шайки Мурад как-то поделился с Насибом радостной новостью.

- Ко мне тут недавно один лох прицепился, - начал рассказывать он внимательно слушающему Насибу. - Короче, говорит, бабки надо выжать из одного фраера, бабки он ему должен, не отдает, проценты набежали, обещает, не отдает, вот, говорит, короче, если сможете вытянуть из него мои бабки, двадцать процентов ваши...

- Это сколько? - спросил Насиб.

- Долг двадцать тысяч в баксах, двадцать процентов - это сколько, вот и считай...

Насиб, который все-таки учился в школе и приобрел некоторые знания, подчитав в уме, быстро сказал:

- Это четыре тысячи.

- В баксах, да?

- Ну да, двадцать процентов - четыре куска...

- Нешлохой улов, - сказал Мурад. - Только вот хорошо бы ствол занять.

В дальнейшем к многокрасочной деятельности юных бандитов прибавилось и это - довольно опасное - занятие: выбивание денег у должника за хорошую мзду. Поначалу должники не понимали, чего от них хотят эти двое сопляков, не воспринимали их всерьез, но увидев в руках у мальчиков пистолеты, сразу соображали, что кругом можно быть и в пятнадцать лет, а рохлей и простофилей оставаться и в пятьдесят; и однажды завязалась перестрелка на ночной улице, в которой Насиб был легко ранен.

К этому времени страна, в которой родился Насиб, развалилась, отдельные республики, входившие в состав огромной страны - в том числе и та, где жил Насиб - стали независимыми государствами, милиция превратилась в полицию, умудрившись ничуть не измениться и продолжая работать по старинке, как привыкли, а воры и бандиты увеличили диапазон своей деятельности, и одно из новшеств в их "творчестве" было именно выполнение заказов по выбиванию долгов у неплатежеспособных, или же попросту не желавших

возвращать долги, бесчестных граждан новой республики.

- О! Целку тебе сломали! - шутили по поводу ранения Угула матерые воры, с которыми он изредка, по необходимости нерескался и сотрудничал. - Поздравляем!

Было совершенно непонятно, как от честных, нормальных родителей, далеких от криминального мира, от преступности могло родиться подобное чудовище. Отец мальчика Вахид всю свою сознательную жизнь добывал деньги и содержал семью на честно заработанное, никогда не брал чужого, ни будучи ребенком, ни потом, когда стал взрослым настоящим труженником, старался даже никогда ни у кого не брать в долг и по возможности не давать в долг, что он прекрасно знал, портит отношения между друзьями и близкими людьми, впрочем, излишков, из которых мог бы одалживать не было, жили от заработка до заработка, мать Насиба долгие годы работала в детском саду поварихой и тоже, как и муж, была прямой и открытой, не любила зарабатывать кривыми путями. В кого же он такой?

В школе, когда мать мальчика вызвала директор, она, краснея и пряча глаза, сообщила, что он убежал из дома.

- А в милицию завели? - строго спросил директор.

Кенуль расслакалась, помотала головой.

- Как же так? - удивился директор. - Заявите обязательно. И мы со своей стороны тоже... подключимся, дадим сведения. Правда, сынок ваш далеко не подарок, и в школу он ходил, мягко говоря, нечасто, да и лучше бы вообще не ходил, проблем с ним было у нас выше головы, - директор, говоря это, почему то провел ладонью по горлу, а не по голове, - но что делать - живой человек. Нельзя же принимать мер.

Мать ушла от него с тяжелым сердцем, хотя, как и ожидала, ничего нового не услышала, но она вдруг представила себе, что если бы ее сынок был бы таким же, как все остальные, учился бы, да бог с ним пусть и плохо, но окончил бы школу, получил бы аттестат, а потом хоть какую профессию, вот и отец тогда помог бы, как раньше хотел, стал бы специалистом, работал бы, честным трудом зарабатывал, а там пришла бы пора - женили бы его, внуки бы пошли... Боже, боже, единственный сын, больше не дал им Всевышний, и вот что из него вышло, за что карашь, о Аллах, кажется ни я, ни Вахид никому зла не делали, ни на кого зла не держали, хоть и обиды всю жизнь сыпались на нас, обиды терпели, не отвечали злом на зло, так неужели же ты отнимешь у нас единственное дитя?..

Кенуль даже не сообразила, что идет по улице горько плача, не стирая с лица слез, и что прохожие оглядываются и странно смотрят на нее.

(Продолжение следует)